

УДК 94(47):930.85

ББК 63.3(2)521.2-72

Славянофилы о европейском просвещении и реформах Петра I как причинах трансформации российской культурной идентичности и исторической памяти

М.А. Широкова

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Slavophiles on the European Enlightenment and the Reforms of Peter the Great as Causes of the Transformation of Russian Cultural Identity and Historical Memory

M.A. Shirokova

Altai State University (Barnaul, Russia)

Автор обращается к проблемам соотношения национального и глобального (общечеловеческого) в культурной идентичности России, а также взаимодействия традиции и модернизации в развитии всех сфер российского общества. В статье представлена позиция основоположников идеологии славянофильства — А.С. Хомякова, И.В. Киреевского и Ю.Ф. Самарина. В условиях российского самодержавия середины XIX в. славянофилы проявили двойную гражданскую смелость, противопоставляя свою точку зрения как государственному консерватизму, так и государственной модернизации. Показано отношение славянофильских мыслителей к реформам Петра I как поворотному пункту в истории российского общества и государства, а также в формировании национального самосознания. В оценке состояния допетровской Руси между славянофилами существовали разногласия. Но важнейшим негативным последствием петровских преобразований и некритического заимствования западного просвещения все представители славянофильства считали раздвоение культурной идентичности России: отделение образованного общества от народа и отделение государства от общества. Преодоление этого разрыва славянофилы связывали с двумя факторами. Во-первых, с возрождением общероссийского просвещения на основе синтеза национальной духовной традиции и универсальных достижений западной цивилизации. Во-вторых, с проведением социальных и политических реформ «сверху», прежде всего — с отменой крепостного права.

Ключевые слова: культурная идентичность, Просвещение, славянофильство, западничество, русская культура, русская философия, историческая память, история политической мысли.

The author addresses the problems of the correlation between the national and the global (universal) in the cultural identity of Russia, as well as the interaction of tradition and modernization in the development of all spheres of Russian society. The article presents the position of the founders of the ideology of Slavophilism — A.S. Khomyakov, I.V. Kireevsky and J. F. Samarin. In the conditions of Russian autocracy in the middle of the 19th century Slavophiles demonstrated double civil courage, opposing their point of view to the state conservatism and state modernization. The attitude of Slavophile thinkers to the reforms of Peter the Great as a turning point in the history of Russian society and state, as well as in the formation of national self-consciousness is shown. There were disagreements between Slavophiles in assessing the state of pre-Petrine Russia. However, the most important negative consequence of Peter's reforms and uncritical borrowing of the Western enlightenment was seen by all Slavophile authors as a split in Russia's cultural identity: the separation of educated society from the people and separation of the state from society. The Slavophiles associated the bridging of this gap with two factors. Firstly, with a revival of the Russian Enlightenment based on a synthesis of the national spiritual tradition and the universal achievements of Western civilization. Secondly, with the implementation of social and political reforms “from above”, first of all — with the abolition of serfdom.

Key words: cultural identity, Enlightenment, Slavophilism, Westernism, Russian culture, Russian philosophy, historical memory, history of political thought.

DOI: 10.14258/izvasu(2021)5-06

Вопросы соотношения национального и глобального (общечеловеческого) в культурной идентичности России, а также взаимодействия традиции и модернизации в ее развитии неизменно привлекают внимание исследователей. Упомянутые проблемы обсуждаются в философии, педагогике, психологии, политической науке и многих других областях социально-гуманитарного знания. Современные авторы вновь возвращаются к идеям самобытного цивилизационного пути нашего общества и возможности синтеза интеллектуальных модернистских и традиционалистских духовных ценностей.

В свое время тема российской культурной идентичности получила особое звучание в известной полемике западников и славянофилов, которые рассматривали ее с разных историко-философских и культурфилософских позиций. И.Д. Осипов пишет: «Проблема соотношения народного, национального и общечеловеческого в познании является одной из принципиальных в русской философии XIX столетия. В ней отразились актуальные для России вопросы формирования духовной культуры и развития национального самосознания» [1, с. 133]. Соотнеся данный тезис с ситуацией в современном российском образовании, П.И. Касаткин высказывает следующую мысль: «По сути, мы имеем дело с так и не разрешенной в течение уже двух столетий задачей сбалансированного синтеза в системе координат свое — чужое в образовании» [2, с. 111]. Представляется, что справедливое в отношении образования замечание исследователя справедливо и в отношении общества и его культуры в целом.

В исторической и философской литературе России тема национальной идентичности (самосознания) является одной из ключевых. Точкой отсчета теоретического осмысления проблемы принято считать «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона, датированное XI в. [3]. Впоследствии тема идентичности на государственном уровне была сформулирована в XVI в. старцем Филофеем в его теории «Москва — Третий Рим» [4]. Далее, в XIX — начале XX в. данная тематика была актуальной для абсолютного большинства русских мыслителей. Достаточно вспомнить посвященные «русской идее» классические труды Ф.М. Достоевского, В.С. Соловьева, Н.А. Бердяева [5–7].

На рубеже XX–XXI вв. наблюдается вторичный подъем интереса к теме национальной идеи, обусловленный новой необходимостью культурного и цивилизационного самоопределения. Появились работы А.В. Гулыги, В.В. Кожина, А.А. Королькова, Д.С. Лихачева, М.А. Маслина, А.С. Панарина, А.Л. Янова [8–14] и др. Спектр оценок самого феномена «русской идеи» чрезвычайно широк и во многом представляет собой продолжение дискурса славянофилов и западников на современном этапе. Но все

упомянутые авторы так или иначе затрагивают проблемы образовательной политики и философии образования в России, а также вопросы исторической преемственности идей и практик в формировании идентичности. Непосредственно педагогические взгляды славянофилов рассматривают современные исследователи И.Д. Осипов, П.И. Касаткин, Л.Н. Беленчук, О.В. Парилор [1, 2, 15, 16] и др.

Цель настоящего исследования — выявить особенности трансформации культурной идентичности и исторической памяти российского общества под воздействием европейского просвещения и модернизации, начатой реформами Петра I, с точки зрения представителей славянофильского направления русской мысли. Кроме того, показать рекомендованные славянофилами пути выхода из ситуации культурно-исторического разрыва в общественном сознании.

В качестве методологической основы исследования, осуществленного в статье, использовался цивилизационный подход к развитию общества, восходящий к теории культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского, а также концепция диалектических связей в истории, позволяющая прояснить механизмы социальной динамики и объективные условия трансформации социума. Для изучения наследия славянофилов и их полемики с западниками в контексте конкретно-исторических обстоятельств России 30–50-х гг. XIX в. применялись сравнительно-исторический, герменевтический и аксиологический методы, дающие возможность реконструировать систему ценностей славянофильского учения.

Национальная идентичность России на протяжении длительного исторического периода определялась через сравнение с Западной Европой, игравшей для нашей страны, говоря языком философии, роль «Значимого Другого». Л.Н. Беленчук, автор монографии о взглядах западников и славянофилов на просвещение России, подчеркивает, что «важнейшей составляющей государственной политики с XVII в. стала политика европеизации». Далее она пишет: «Из Европы, признанного источника просвещения и культуры, заимствовались не только технические достижения, но и образ мыслей и жизни. Начиная с Петра Великого, европеизация становится не только основой официальной правительственной политики, но культурно-политической миссией петербургского самодержавия. Любое сомнение в этой миссии ощущалось вызовом самой монархии, а сомнение в подобном просвещении — вызовом обществу» [15, с. 15]. Таким образом, по ее мнению, следует указать на гражданскую смелость славянофилов, не побоявшихся бросить этот вызов.

Впрочем, в период николаевского царствования самоидентификация российской монархии приобрела двойственный характер. С одной стороны,

задача укрепления внешнеполитического авторитета и военной мощи империи диктовала необходимость продолжения модернизации по европейскому образцу. С другой же стороны, опасность революционных волнений, осознаваемая преимущественно как угроза с Запада, заставляла искать иные, отличные от европейских, «коренные основания» российской государственности. Такие основания были найдены и воплощены в знаменитой триаде С.С. Уварова «Православие, Самодержавие, Народность». Славянофилы же дистанцировались от официальной охранительной идеологии и, принимая ценности уваровской триады в целом, наполняли их оригинальным, в значительной степени оппозиционным и даже демократическим содержанием. Следовательно, славянофильские мыслители проявили двойную гражданскую смелость в противостоянии как государственному консерватизму, так и государственной модернизации. Далее в статье мы постараемся показать это на примере отношения классиков славянофильства к реформам Петра I и к европейскому просвещению. Стоит оговориться, что под словом «просвещение» в России XIX в. понимали не только непосредственно образование, но и все составляющие духовной жизни общества.

Интересно провести историческую параллель между описанным выше дуализмом в российской государственной политике самоидентификации середины XIX столетия и противоречивостью современной политики в данной сфере. Приведем мнение О.В. Парилова, автора ряда трудов по проблематике «русской идеи»: «Глубинные противоречия — одна из характерных черт современной российской действительности. В настоящее время на постсоветском пространстве как следствие глобальных реформационных процессов сталкиваются противоречащие друг другу мировоззренческие позиции; они получают свое отражение в государственной идеологии, в концептуальных подходах к деятельности различных социальных институтов. С одной стороны, на самом высоком уровне государственной власти говорится о выработке национальной идеи, необходимости развития нашей страны на основе национальных самобытных традиций; много появилось в последнее время публикаций, поднимающих тему патриотизма, сохранения исторической памяти. С другой стороны, в экономике, социальном строительстве, системе образования в настоящее время зачастую происходит некритичное копирование западноевропейских ценностей, выдаваемых за «общечеловеческие»... Следствием подобного подхода стали тревожные тенденции последнего времени: прагматизация жизни, выхолащивание нравственно-духовного компонента» [16].

Исследователь делает вывод, что масштабные преобразования, затронувшие все сферы обществен-

ной жизни современной России, смогут дать позитивные результаты лишь при условии, если будут проводиться в русле национальной духовной традиции, с учетом опыта отечественных мыслителей. В противном случае «призывы к развитию национального самосознания, воспитанию патриотизма, сохранению национальной исторической памяти останутся лишь благими пожеланиями, ничем не подкрепленными и не реализованными в жизни социума» [16].

Возвращаясь к работе Л.Н. Беленчук, отметим, что автор считает необходимым прояснить отношение славянофилов к русской истории и к ее поворотному пункту — реформам Петра I. Достаточно общим местом в историографии является утверждение, что «западничество превозносит Петра, а славянофильство бесповоротно осуждает, романтизируя и идеализируя допетровскую культуру». На самом же деле картина более сложная: «Разные мыслители относились по-разному: от полного отвержения до полного приятия, но с критикой отдельных сторон реформ» [15, с. 12]. В подтверждение точки зрения исследователя, рассмотрим взгляды славянофилов по этому вопросу.

Общеизвестно, что между родоначальниками славянофильства — А.С. Хомяковым и И.В. Киреевским — существовали серьезные разногласия в оценке допетровской Руси. Киреевский идеализировал просвещение русского народа, «не блестящее, но глубокое», идеализировал тогдашнее общественное устройство «без благородных и подлых», веру, обычаи, уклад жизни. Он считал, что в «органическом» русском государстве имелись все элементы и условия будущего «правильного» развития, «требующего только времени и благоприятных обстоятельств» [17, с. 125]. Но «несчастливым переворотом в нашей истории», как писал Киреевский в статье «В ответ А.С. Хомякову», явилось одно событие — Стоглавый Собор 1551 г., после которого московская «иосифлянская» церковь, изменив давней традиции, укрепила свои связи с царской властью. В результате и «стал возможен» Петр, «разрушитель русского и вводитель немецкого» [17, с. 126].

Хомяков возражал Киреевскому, полагая, что если бы просвещение Московской Руси действительно достигло столь высокого уровня, разномыслие и раскол, как в церкви, так и в обществе, оказались бы невозможны. Главное зло Хомяков видел в том, что народ, «по недостатку просвещения», не принимал живого участия в судьбе государства, не мог понять его «святости» [18, с. 230]. Во всем, что касалось обязанностей гражданина по отношению к государству, Хомяков отмечал «какую-то слабость понимания», «какое-то низкое настроение духа», «которые возбуждают невольную досаду» [18, с. 232].

Поэтому, вопреки распространенному мнению о славянофилах, роль Петра I в русской истории Хомяков не оценивал однозначно отрицательно. Заслуга первого императора состояла именно в том, что, «обняв одним взглядом все болезни отечества, постигнув все прекрасное и святое значение слова *государство*, он ударил по России как страшная, но благодетельная гроза». Петру принадлежит «честь пробуждения России к силе и к сознанию силы». Он употребил для этого «грубые и вещественные» средства, но ведь только такие средства и имеются в распоряжении «правительства» [19, с. 439]. Петр полностью подчинил государству как свою личность, так и личность каждого из своих подданных. Но воссоединение политической власти и народа произошло в данном случае не «снизу вверх», а «сверху вниз», — инициатива исходила от «правительства», его воля сделалась определяющей. Государство обрело мощь и силу, но не стало «воплощением нравственной мысли». Создание же подлинно нравственного государства, по Хомякову, возможно только тогда, когда весь народ, в лице каждого отдельного человека, свободно осознает необходимость государства как внешней формы, способствующей внутреннему совершенствованию общества.

Петр не сумел пробудить это сознание в людях, да и не ставил себе такой цели. «Грустно думать, — писал Хомяков, — что тот, кто так живо и сильно понял смысл государства... не вспомнил в то же время, что там только сила, где любовь, а любовь только там, где личная свобода» [19, с. 439]. Император не даровал личную свободу своим подданным, тем самым лишив их возможности «полюбить» свое государство.

Последствия одностороннего сближения государства с обществом и «торжества» государства проявились в русской жизни немедленно. Установление тесных связей с Западом при Петре «не было действием воли народной». Заимствование плодов западного просвещения коснулось лишь «правительства» и высших слоев общества и не проникло в глубины русского «народного духа». Так было положено начало раздвоению культурной идентичности: отделению государства от общества и отделению «образованного общества» от народа. Эти две формы дуализма очень зримо выразились в дуализме Петербурга и Москвы. «Жизнь власти государственной и жизнь духа народного разделилась даже местом их сосредоточения» [19, с. 439].

Для славянофилов наиболее нетерпимым было то, что в России после петровских реформ сложилось как бы два разных племени: завоевателей и завоеванных, господ и рабов, хотя такое раздвоение, как они утверждали, изначально не было свойственно русскому народу.

В своих произведениях основоположники славянофильства сумели очень ярко обрисовать те последствия, в том числе и политические, которыми чревата сложившаяся ситуация. Так, Ю.Ф. Самарин писал в 1857 г.: «Предположим, что передовые сословия и простой народ разошлись по разным путям и перестали понимать друг друга, они как будто разнакомились... При таком отношении высших сословий к низшему что должно произойти в случае беды? Конечно, правительство призовет народ на защиту *святого и существенного*; но если народ и правительство розно понимают существенное и святое? В состоянии ли будет правительство поднять народный дух?» [20, с. 235]. Славянофилы видели, что от разрыва сословий страдают не только интересы народа, но и интересы государства, так как государственная власть становится нелегитимной.

Следует отметить, что представление об образованном обществе и народе у западников и у славянофилов было различным. Если для западников образованное общество — цвет нации, люди, способные мыслить критически, самостоятельно, то для славянофилов слова «публика», «образованное общество» всегда подразумевали нечто осуждаемое: люди, овладевшие чуждым просвещением, но оторвавшиеся от национальной традиции, «приобрели себе какое-то искусственное безродство, грустное право на сердечный холод» [21, с. 537]. Славянофилы объявляли, что образованные классы не являются народом, так как они не связаны с народом общим «убеждением», а заимствуют взамен различные «мнения» (отвлеченные теории) с Запада. Но деятели славянофильства, глубоко сознавая и свою собственную «разлученность» с народной культурой и исторической памятью, тем не менее полагали, что они способны это преодолеть: «Мы, люди образованные, оторвавшись от прошедшего, лишили себя прошедшего, — писал Хомяков, — но теперь грамоты, сказки, песни языком своим, содержанием, чувством пробуждают в нас заглохнувшие силы; они уясняют наши понятия и расширяют нашу мысль; они выводят нас из нашего безродного сиротства, указывая на прошедшее, которым можно утешаться, и на настоящее, которое можно любить» [21, с. 537].

Следовательно, возвращение к своей культуре есть одновременно и возвращение к подлинности, к смыслу, переход от состояния «казаться» к состоянию «быть». Для страны в целом это восхождение от эмпирического прозябания к историческому бытию. Для каждого человека это самоидентификация, обретение себя. Как ни странно, последнее с невероятной остротой сознавали и западники. В.Г. Белинский в известном письме В.П. Боткину 1841 г. заявляет определенно: «Человек — великое слово, великое дело, но тогда, когда он француз, немец, англичанин, русский». И тут же задается во-

просом, имея в виду себя и других членов «петербургской партии»: «А русские ли мы?». Дальнейшая самохарактеристика звучит беспощадно: «Мы люди без отечества — нет, хуже, чем без отечества: мы люди, которых отечество — призрак, — и диво ли, что сами мы призраки, что наша дружба, наша любовь, наши стремления, наша деятельность — призрак» [22, с. 480]. Пронзительное сознание утраты связи с жизнью, с «действительностью» приводило западников к идее революционной ломки этой самой действительности, в которой для них уже не осталось ничего ценного.

Совсем иные способы разрешения ситуации предлагали славянофилы. Они видели, что раздвоение, внесенное Петром в русскую жизнь, неблагоприятно сказалось как на образованном обществе, так и на народе. С одной стороны, знание, носителем которого был образованный слой, потеряло жизненную силу. С другой же стороны, по мере все большего отчуждения образованных людей от своего «исторического корня» «умственная жизнь ослабла и в низших слоях» [23, с. 22].

Но славянофилы считали, что создавшееся положение можно исправить, потому что принятая по недоразумению высшими слоями общества «чуждая стихия» «не срастется с духовным складом славянским» [19, с. 99].

Этому вопросу Хомяков уделил внимание на страницах своих «Записок о всемирной истории», контрастно противопоставляя «народы завоевательные» и «народы земледельческие». К последним он относил славян и, в частности, русских: «Мы будем, как всегда и были, демократами между прочих семей Европы, мы будем представителями чисто человеческого начала, благословляющего всякое племя на жизнь вольную и развитие самобытное» [19, с. 100].

Ю.Ф. Самарин, твердо усвоивший уроки Хомякова, изложил свои взгляды на возможность восстановления единства русского общества: «Стоит оглянуться кругом, чтобы понять слабую сторону наших отношений к народу... Мы разлучены с народом, но не пото-

му, чтобы мы преднамеренно отделили свои интересы от его блага, но потому, что была минута в нашей истории, когда благо всей земли потребовало разлучения, как всенародной жертвы. Оно было временным, неизбежным последствием Петровской реформы, оно есть зло в настоящем, но в основе своей не было никогда преступлением... Сближение с народом, может быть, еще более необходимо для образованного класса, чем для самого народа» [20, с. 91].

На основании всех приведенных доводов славянофилы приходили к выводу о необходимости отмены крепостного состояния в России во имя восстановления утраченных связей между «верхами» и «низами» общества, а также между государством и обществом в целом.

Итак, возможность восстановления общероссийской культурной идентичности идеологи славянофильства связывали с двумя факторами. Во-первых, они уповали на силу и высокую нравственность русского народного духа, который сумеет освободиться от зависимости по отношению к чуждой культуре. В то же время славянофильские мыслители не намерены были отказываться от полезных достижений европейского просвещения. По словам И.В. Киреевского, «образованность европейская как зрелый плод всечеловеческого развития, оторванный от старого дерева, должна служить питанием для новой жизни, явиться новым возбуждающим средством к развитию нашей умственной деятельности» [24, с. 192]. И, во-вторых, идеологи славянофильства предлагали правительству сделать конкретные шаги навстречу народу, в корне пересмотреть свое отношение к нему. При этом фактор народный имеет для них гораздо большее значение, чем фактор государственный. Славянофилы верили, что с помощью просвещения удастся вновь объединить духовные силы общества и вещественные силы государства. Так функционирует применительно к динамике российского социума и его самосознания диалектическая закономерность «тезис — антитезис — синтез»: единство — распад — новое единство на более высоком уровне.

Библиографический список

1. Осипов И.Д. Проблема народности науки в полемике славянофилов и западников // Вече: альманах русской философии и культуры. 2009. Вып. 19.
2. Касаткин П.И. Предпосылки формирования философии образования в России // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2017. Т. 6. № 6А.
3. Иларион. Слово о законе и благодати // Русская идея. М., 1992.
4. Филофей. Послания старца Филофея // Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5105>.
5. Достоевский Ф.М. Пушкин // Русская идея. М., 1992.
6. Соловьев В.С. Русская идея // Соловьев В.С. Смысл любви: Избранные произведения. М., 1991.

7. Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской философской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре. М., 1990.
8. Гулыга А.В. Русская идея и ее творцы М., 1995.
9. Кожин В.В. О русском национальном сознании. М., 2002. URL: <https://profilib.net/chtenie/128145/vadim-kozhinov-o-russkom-natsionalnom-soznanii-80.php#t1>.
10. Корольков А. А. Русская духовная философия. Духовный смысл русской культуры. СПб., 2006.
11. Лихачев Д.С. Раздумья о России. СПб., 2006.
12. Маслин М.А. «Велико незнание России...» // Русская идея. М., 1992.
13. Панарин А.С. Россия в циклах мировой истории. М., 1999.
14. Янов А.Л. Россия и Европа 1462–1921 : в 3 кн. М., 2007.
15. Беленчук Л. Н. Просвещение России: взгляд западников и славянофилов. М., 2014.
16. Париков О.В. Педагогические воззрения славянофилов и современная реформа российского высшего образования // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 6. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=23327>.
17. Киреевский И.В. Избранные статьи. М., 1984.
18. Хомяков А.С. По поводу статьи И.В. Киреевского «О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России» // Благова Т.И. Родоначальники славянофильства. Алексей Хомяков и Иван Киреевский. М., 1995.
19. Хомяков А.С. Сочинения : в 2 т. М., 1994. Т. 1.
20. Самарин Ю.Ф. Сочинения. М., 1877. Т. 1.
21. Хомяков А.С. Всемирная задача России. М., 2011.
22. Белинский В.Г. Собр. соч. М., 1982. Т. 9.
23. Хомяков А.С. Полн. собр. соч. М., 1900. Т. 1.
24. Киреевский И.В. Критика и эстетика. М., 1979.